

De Conspiratione [О заговоре]: сборник монографий (сост. А.И. Фурсов). 2013. М.: Товарищество научных изданий КМК. 521 с.

AVANESOVA Galina Alekseevna, Dr.Sci.(Philos.), Professor of the Chair of History, Philosophy, Cultural Studies, Moscow State University for Humanities named after M.A. Sholokhov (Verhnijaja Radishhevskaja st., 16/18, Moscow, Russia, 109004; gal-09@list.ru)

IVANOVA Elena Viktorovna, Cand.Sci.(Philos.), Associate Professor, Doctoral Candidate in the National Institute of Business (Yunosti st., 5/1, Moscow, Russia, 111395; quttatim@mail.ru)

ETHNOGENESIS OF THE RUSSIANS AND THE UKRAINIANS IN THE FRAMEWORK OF THE IMPERIAL STATEHOOD

Abstract. On the base of comparative analysis the authors analyze the features of the ethnogenesis of the Russian and the Ukrainian peoples during the development of national statehood since its foundation till its transition from imperial to the Soviet model. The authors assume that the background and the first stage of the Russian and Ukrainian ethnogeneses coincide. Mongol conquest of Kievan Russia gave start to the different processes in the formation of the ethnogenetical descendants of the ancient Russian nationality. For centuries ethnogenesis of the Russians and Ukrainians took place in the frameworks of the different state systems. The authors compared ethno-psychological, mental, and cultural characteristics of the Russians and Ukrainians and considered the forms of their participation in the development of the Russian state in the imperial period. By the middle of the 19th century the Russian people formed the attributes of the modern nation. At the same time the Ukrainians not always identified themselves with the Russian state and its cultural space. All this led to the situation when in the late 20th century both nations have moved to the construction of their own states.

Keywords: Russian Empire, Ukraine, ethnogenesis, nation genesis, ethno-psychological quality, culture, local civilization, ethnic character, psychomental subtype, Ukrainian nationalism

ЖВИТИАШВИЛИ Анатолий Шалвович, к.и.н., ведущий научный сотрудник отдела социальной структуры Института социологии РАН (117218, Россия, г. Москва, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5; zhvitiashvili-a@mail.ru)

СОЦИАЛЬНО-КЛАССОВАЯ СТРУКТУРА РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА: ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

Аннотация. В статье предлагается модель классовой структуры российского общества в постсоветский период. Особое внимание обращается на взаимосвязь типа общества и его социально-стратификационной структуры. Понятие класса – не устаревшая конструкция, а важный аналитический инструмент в изучении социальных процессов. Классовая карта составлена на основе ресурсного подхода. Автор выделяет основные классовые группы. Существующая классовая структура во многом объясняет состояние современного российского общества и указывает на возможности его обновления.
Ключевые слова: социальная структура, классовая структура, формы капитала, тип общества, этакратизм

Трансформация российского общества в постсоветский период поднимает проблемы его стратификационной структуры.

Прежде чем предложить классовую модель современного российского общества, определим его тип. В отечественной социологической литературе доминируют две основные оценки. Постсоветское общество определяют либо как этакратическое [Нуреев 2001; Бессонова 2008; Шкаратан 2012], либо как капиталистическое [Очкина 2009]. Точку зрения об этакратическом устройстве России подтверждают

концепции патримониального общества М. Вебера [Вебер 1994], редистрибутивных систем К. Поланьи [Поланьи 2002], «восточного деспотизма» К. Виттфогеля [Wittfogel 1957], история России и некоторые признаки современной российской экономики (сохранение на селе натурального производства, доминирование нерыночных практик). Точку зрения о победе капитализма в России подкрепляют концепция периферийного капитализма И. Валлерстайна, ссылки на период развития буржуазного хозяйства до октября 1917 г. и функционирование частного капитала в современной России. Однако вторая позиция выглядит более уязвимой в свете феномена, который исследователи называют «капиталисты без капитализма» [Кивинен 2004: 160]. Под ним понимается превращение бывшей советской номенклатуры в класс собственников, действующих в условиях слабых и зависимых от государства рыночных институтов.

Разделяя взгляд на этакратическую природу российского общества, перечислим основные признаки этакратических систем. Это:

- «общества, основанные на власти» (в терминах К. Виттфогеля);
- господство нерыночного обмена и редистрибутивных отношений (К. Поланьи);
- «монополистический характер» «экономической организации» (в терминах М. Вебера);
- «включенное», т.е. «не выделившееся», положение экономики по отношению к обществу (в терминах К. Поланьи);
- мобилизационный способ хозяйствования (К. Виттфогель);
- внеэкономическое принуждение (К. Виттфогель);
- доминирование нерыночных статусных групп (М. Вебер);
- условный (конвенциональный) характер правил поведения (М. Вебер);
- зависимость уровня доходов от занимаемой должности или положения в обществе (принцип прямого статусного распределения как базовая форма нерыночной редистрибуции) (К. Поланьи);
- предписанная передача статуса (аскриптивная стратификация) (М. Вебер, К. Поланьи);
- приоритет административно-политической иерархии при отсутствии или слабости института частной собственности (К. Поланьи, К. Виттфогель);
- «монополистическое присвоение управленческой власти», вызывающее дихотомическое разделение общества на «класс бюрократии» и зависимых от него членов общества (М. Вебер, К. Виттфогель).

«Этакратизм, – считает О.И. Шкаратан, – самостоятельная ступень и параллельная ветвь исторического развития современного общества со своими собственными законами функционирования и развития. С утверждением этакратизма историческое развитие как бы закладывает виток гигантской спирали, на котором вновь формируются общества властного типа» [Шкаратан 2002: 51]. Одна из причин, почему «вновь формируются общества властного типа», состоит в том, что закон смены общественно-экономических формаций не является всеобщим. Поэтому трансформация этакратических систем означает не переход к другой формации, а их адаптацию к изменившимся условиям своего существования. Этакратические общества различны по своим культурным традициям и типу производства. Есть религиозные (Древний Египет) и светские (СССР, маоистский Китай), доиндустриальные (государство инков) и индустриальные (СССР) этакратии. Специфика современного российского общества состоит в том, что оно не является ни аграрным обществом, ни обществом индустриального модерна из-за сырьевой ориентации и частичной деиндустриализации.

Такое состояние российского общества объясняют особенности его социальной структуры. Под социальной структурой условимся понимать совокупность взаимодействующих элементов общества, «где в качестве элементов выступают социальные институты, социальные группы и общности разных типов; базовыми единицами социальной структуры являются нормы и ценности, интересы и потребности» [Шкаратан 2012: 53]. Здесь нас будет интересовать классовый срез социальной структуры. До сих пор ведутся оживленные споры вокруг правомерности

употребления концепта класса. Широкое распространение теории социальной стратификации посеяло сомнения в его продуктивности. На деле понятия страты и класса не исключают, а дополняют друг друга. Класс и страту отличает угол рассмотрения. Группы с точки зрения неравенства доходов, квалификаций или шансов на получение образования – это страты, а с точки зрения неравного доступа к властным ресурсам – классы. Под влиянием марксизма классы связывают, прежде всего, с экономической властью. Однако она, по словам М. Вебера, «не идентична “власти” как таковой», а «наоборот, ...может быть следствием власти, существующей на других основаниях» [Weber 1966: 21]. Наряду с экономической властью следует выделить политическую и символическую власть. Борьба за перераспределение этих видов власти обычно порождает острые классовые конфликты.

Хотя российское общество – это не общество классовой умиротворенности, но это и не общество организованных форм классового противостояния. Классовая активность фрагментирована локальными и разнонаправленными протестными выступлениями (экономическими, как в Пикалево, политическими, как на Болотной в Москве). Характеризуя классовую идентичность в постсоветском обществе в терминах М. Кастельса, можно сказать, что в этом обществе «легитимирующая идентичность» (*legitimizing identity*) преобладает над «идентичностью сопротивления» (*resistance identity*) и «проектирующей идентичностью» (*project identity*)¹.

Предлагаемая здесь классовая карта российского общества составлена на основе неравного распределения властных ресурсов (капитала) и разного объема прав индивидов как способа их доступа к ресурсам. Под классами условимся понимать социальные группы, ранжированные по объему властных форм капитала и способности к их обмену (конвертации). Такое понимание классов не ограничено рамками рыночных обществ. Выделены 6 классов – этакратический, патерналистский, монетарный, класс наемных работников, класс парцельных крестьян, андеркласс. Рассмотрим эти классы подробнее.

1. *Этакратический класс*. Это класс государственных управленцев как владельцев «мегакапитала» (в терминах П. Бурдьё)². В него входят лица, принимающие определяющие для развития страны решения (верхний слой управленцев), руководители разных ведомств, государственных корпораций, региональные элиты, чиновники более низких уровней управленческой иерархии. В 2011 г. численность работников государственных органов и органов местного самоуправления составила 1 603,7 тыс. чел.³ Из них численность государственных управленцев федерального уровня составляла 835,9 тыс. чел. (т.е. более 50%).

«Монополистическое присвоение управленческой власти» (в терминах М. Вебера) обуславливает, говоря словами Н. Лумана, «стратификационную дифференциацию», основанную на ранговых неравенствах. Их экономическим выражением является принцип прямого статусного распределения, где высота социального статуса определяет уровень доходов. Месячная зарплата среднего чиновника федерального уровня составляла на июнь 2014 г. 92 тыс. руб.⁴

Этакратический класс способен конвертировать политический капитал не только в экономический, но и в культурный, социальный, символический (идеологический, информационный) капитал. Способность к конвертации самых разных видов капитала максимально увеличивает объем прав этого класса. В отличие от западного управленческого класса, его российский аналог функционирует в усло-

¹ Под легитимирующей идентичностью М. Кастельс понимает идентичность, формируемую «доминирующими институтами» общества; под идентичностью сопротивления – позиции акторов, ущемленные «логикой господства» и потому образующие «ниши сопротивления»; под проектирующей идентичностью – создание «новой идентичности» [Castells 2010: 8].

² П. Бурдьё так определяет мегакапитал: «Государство есть завершение процесса концентрации различных видов капитала: физического принуждения или средства насилия (армия, полиция), экономического, культурного... символического – концентрации, которая... делает из государства владельца... мегакапитала, дающего власть над другими видами капитала» [Бурдьё 2006].

³ *Российский статистический ежегодник*. 2012. М.: Росстат. С. 46.

⁴ Калюков Е. 2014. *Зарплата федеральных чиновников выросла за год больше чем на 30%*. Доступ: <http://top.rbc.ru/economics/22/08/2014/944481.shtml> (проверено 10.12.2014).

виях синкретизма отношений «власть — собственность» и условного институционального порядка, характерных для этакратических систем.

2. *Патерналистский класс*. К нему относится остальная часть работников государственных организаций и пенсионеры. В 2013 г. в госсекторе было занято 28,4%, или около 20 млн чел.¹ Их материальное положение и социальный статус определяет государство. В 2012 г. среднемесячная зарплата в госсекторе составила 29 861 руб.² В среде работников бюджетной сферы есть своя элита (например, руководители госучреждений в сфере образования, науки, здравоохранения). Что же касается пенсионеров, то в 2011 г. их численность составляла 40,2 млн чел. [Гурьянов 2014]. Силу традиционалистских настроений пенсионеров иллюстрирует их отношение к попыткам правительства заменить льготы денежными компенсациями. В 2005 г. закон о монетизации льгот вызвал волну протестов пенсионеров, усмотревших в нем покушение на систему социальных гарантий, сохранившуюся с советских времен. Патерналистский класс — наиболее многочисленный класс российского общества. Работники бюджетной сферы (приблизительно 20 млн чел.) и пенсионеры (немногим более 40 млн чел.) вместе насчитывают примерно 60 млн чел. из 143 млн населения страны.

3. *Монетарный класс*. В отличие от этакратического и патерналистского, монетарный класс имеет рыночную природу. Если главным ресурсом этакратического класса является административно-политический капитал, то основным ресурсом монетарного класса служит экономический капитал. Однако слабость рыночных отношений и этакратический тип общества объясняют то обстоятельство, что «чиновники принадлежат к общим с бизнес-группами патронажно-клиентельным пирамидам» [Кашина 2013: 37]. Финансовым трамплином для многих представителей этого класса служила сформировавшаяся в годы перестройки «комсомольская экономика» (инициированный партийно-государственными органами приход комсомольских активистов в бизнес). Монетарный класс вышел из реформ конца XX в. Он включает предпринимателей, менеджеров частных компаний, банкиров, представителей шоу-бизнеса. На селе к нему можно отнести фермеров, владельцев и управленцев частных агрохолдингов. В 2013 г. доля частного сектора в экономике составила 85,8%³. Частный капитал в основном сосредоточен в сфере финансов и торговли.

Хотя монетарный класс — продукт капиталистического накопления, он отличается от буржуазии в общепринятом значении этого слова. Капиталистическое накопление есть и в нерыночных обществах. Не случайно М. Вебер ввел понятие примордиального капитализма, развивавшегося на Древнем Востоке, в европейских средневековых городах и в раннее Новое время. Развитие такого капитализма связано с денежным оборотом и с получением государственных заказов. Он исключает рациональную организацию труда и заинтересованность в технологических инновациях. Действие условных институциональных норм в российском обществе затрудняет процесс легитимации частной собственности. При этакратии в общей структуре капитала экономический капитал занимает подчиненное место.

4. *Класс наемных работников*. Развитию рыночных отношений обязан своим появлением еще один класс — класс наемных работников. В 2013 г. в частном секторе было занято 60%⁴. Среднемесячная зарплата работников этого сектора ниже, чем в госсекторе: в 2012 г. она составила 23 876 руб. (в госсекторе — 29 861 руб.)⁵. Протестные выступления этого класса спорадичны. В 2007 г. на российских предприятиях прошли 35 забастовок («Форд», «Евроцемент», «Русал») [Козина 2009: 159]. Требования наемных работников сводятся к повышению зарплаты и обеспечению стабильной занятости. С развитием в России прекаризованных форм занятости (неполной и временной) формируется новая социальная группа, состоящая

¹ *Россия в цифрах*. 2014. М.: Росстат. С. 103.

² *Труд и занятость в России*. 2013. М.: Росстат. С. 442.

³ *Россия в цифрах*. 2014. М.: Росстат. С. 202.

⁴ Там же. С. 103.

⁵ *Труд и занятость в России*. 2013. М.: Росстат. С. 442.

из индивидов, работающих без заключения трудовых договоров. Они лишены трудовых прав и социальных гарантий. Эта категория наемных работников составляет 10–15% [Голенкова, Голиусова 2013: 13].

5. *Класс парцельных крестьян*. Его образуют сельские работники личных подсобных хозяйств (ЛПХ), производящих для собственного потребления. На селе около 13 млн ЛПХ, из которых только 20% составляют товарные домохозяйства [Муханова и др. 2014: 7]. В целом на долю ЛПХ приходится около 40% сельскохозяйственного производства. Не будучи рыночным институтом, ЛПХ консервируют натуральный тип аграрного производства и тем самым помогают стабилизировать социальную обстановку на селе, снижая риски классового конфликта.

6. *Андеркласс*. Он состоит из мигрантов, прежде всего из стран ближнего зарубежья, а также маргиналов, безработных. Это класс с минимальным объемом гражданских прав, а в случае с нелегальными мигрантами – их полным отсутствием. Труд мигрантов используется главным образом в сфере ЖКХ, строительства и сельского хозяйства. Этот социально-классовый сегмент представляет собой питательную среду для развития института принудительного труда. Андеркласс остается политически пассивной силой. На это влияет ряд факторов. Сказывается общий низкий уровень социальной активности населения и слабость гражданских институтов в стране. Многие мигранты приезжают из более бедных стран, чем Россия. Поэтому в случае участия в протестном движении они опасаются потерять то, что заработали с таким трудом. Не следует забывать и о том, что такие группы трудовой миграции, как нелегальные мигранты, включены в сферу принудительного труда.

Пирамидальная структура российского общества предопределяет рост социального неравенства. Если в 1995 г. коэффициент Джини (показатель неравного распределения доходов) составлял в России 0,38, то в 2011 г. – 0,41¹. Однако в этатократическом обществе социальное расслоение не всегда принимает острые формы (например, советский эгалитаризм). В то же время глубокое социальное неравенство может существовать и в условиях демократии. В США и Бразилии коэффициент Джини еще выше, чем в России.

В российском обществе сложились два стратификационных ряда – нерыночный и рыночный. При этом рыночно ориентированные классы составляют меньшинство в современной России. Наиболее заинтересован в развитии рыночных отношений монетарный класс. Класс наемных работников нередко видит в развитии рынка в том виде, в каком он сложился в стране, угрозу своему благополучию. Этатократический класс готов допустить существование рыночных институтов лишь в той мере, в какой они не нарушают сложившийся баланс сил. Остальные классы – патерналистский, парцельный и андеркласс – либо не вовлечены в орбиту рыночных отношений, либо находятся на их периферии.

Пример России показывает отсутствие прямой зависимости между ростом социального неравенства и подъемом протестных настроений. Специфика классовой ситуации в России объясняет неконсолидированный, дисперсный характер социального протеста. Существующая классовая структура российского общества благоприятствует сохранению в нем статус-кво, делая неопределенными перспективы модернизации.

Список литературы

Бессонова О.Э. 2008. Траектория и современный вектор развития цивилизационной матрицы России. – *Мир России*. Т. XVII. № 2. С. 108–138.

Бурдые П. 2006. *Дух государства: генезис и структура бюрократического поля*. Доступ: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertise/2006/704> (проверено 11.03.2010).

Вебер М. 1994. Основные понятия стратификации. – *Социологические исследования*. № 5. С. 147–156.

Голенкова З.Т., Голиусова Ю.В. 2013. Новые социальные группы в современных стратификационных системах глобального общества. – *Социологическая наука и социальная практика*. № 3. С. 3–15.

¹ *Российский статистический ежегодник*. 2012. М.: Росстат. С. 186.

Гурьянов П.А. 2014. *О сущности и стратегии пенсионных реформ в России*. Доступ: <http://economica.snauka.ru/2014/04/4784> (проверено 10.12.2014).

Кашина Е.А. 2013. Роль крупного бизнеса в формировании региональной политики российского государства: сырьевой аспект. — *Национальная безопасность*. № 5(28). С. 35-50.

Кивинен М. 2004. Средний класс в современной России. — *Мир России*. Т. XIII. № 4. С. 143-170.

Козина И.М. 2009. Корпорации и профсоюзы — вариант России. — *Мир России*. Т. XVIII. № 1. С. 144-163.

Муханова М.Н., Жвитиашвили А.Ш., Бессокирная Г.П. 2014. *Российское село: Социально-структурные процессы от прошлого к настоящему*. М.: КД «ЛИБРОКОМ». 304 с.

Нуреев Р.М. 2001. Социальные субъекты постсоветской России: история и современность. — *Мир России*. Т. X. № 3. С. 3-66.

Очкина А.В. 2009. Два «капитализма» в России: по материалам научной конференции. — *Мир России*. Т. XVIII. № 1. С. 164-179.

Поланьи К. 2002. *Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени* (пер. с англ. А.А. Васильева, С.Е. Федорова, А.П. Шурбелева; под общ. ред. С.Е. Федорова). СПб.: Алетейя. 303 с.

Шкаратан О.И. 2002. Перспективы России: линейность vs вариативность мирового развития. — *Мир России*. Т. XI. № 3. С. 44-61.

Шкаратан О.И. 2012. *Социология неравенства. Теория и реальность*. М.: ИД ВШЭ. 526 с.

Castells M. 2010. *The Power of Identity*. Oxford: Wiley–Blackwell. 2nd ed. Vol. 2. 300 p.

Weber M. 1966. Class, Status and Party. — *Class, Status, and Power. Social Stratification in Comparative Perspective* (ed. by R. Bendix, S.M. Lipset). N.Y.: The Free Press. P. 21-38.

Wittfogel K.A. 1957. *Oriental Despotism. A comparative study of total power*. New Haven: Yale University Press. 640 p.

ZHVITIASHVILI Anatolii Shalvovich, *Cand.Sci. (Hist.)*, Leading Researcher of the Department of Social Structure, Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences (Khrzhizhanovskogo st., 24/35, bld. 5, Moscow, Russia, 117218; zhvitiashvili-a@mail.ru)

SOCIAL AND CLASS STRUCTURE OF THE RUSSIAN SOCIETY: SOME TRENDS OF THE DEVELOPMENT

Abstract. *The author analyzes the model of the class structure for the Russian society during the post-Soviet period. The focus of the article is made on the interdependence between stratification structure and type of society. Class concept is not a outdated construct, but the important analytical tool to study the social processes. The author considers the resource approach as a base to compose a class map and outlines six main classes. The current class structure in many respects highlights the crucial features of the modern Russian society and puts limits to implement modernization.*

Keywords: *social structure, class structure, kinds of capital, type of society, state based social order*
